

A man with dark hair and light eyes, wearing a dark suit and tie, is holding a woman's face. The woman has blonde hair and is looking up at him. The lighting is dramatic, with strong highlights and shadows.

СИЛЬНЕЕ *власти*

МАРИЯ ЛАРСКАЯ

18+

Бархатовы. Сильнее судьбы

Мария Ларская
Сильнее власти

«Автор»

2026

Ларская М.

Сильнее власти / М. Ларская — «Автор», 2026 — (Бархатовы.
Сильнее судьбы)

Муж ушёл к любовнице и оставил мне неподъёмный долг.— Ир, ну ты же всегда выкручивалась. Ты сильная. Ты справишься, — сказал он на прощание. Ну надо же! Оказывается, я сильная. А я-то думала, что просто выбора нет. Два года я расплачивалась за его долги. Четыре работы, бессонные ночи и постоянный страх за дочь. И когда до свободы оставался всего один шаг, в моей жизни появился Владимир Бархатов.— Всё равно ты будешь моей, Ирина. Никуда от меня не денешься.— Только вот мне совершенно безразлично, что вы там себе решили.***Я привык получать желаемое. Деньги, власть, связи — в моём мире практически любую проблему можно решить. Вопрос лишь в цене. Но однажды появилась она. Я мог избавить её от долгов, защитить от опасности, подарить всё, о чём она даже не мечтала. Только одного не мог — заставить её остаться. Впервые в жизни я столкнулся с тем, что не подчинялось моей воле. Оказалось, есть вещи сильнее власти. И любовь — одна из них.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Предательство	6
Глава 2. Долг	11
Глава 3. Ответственность	14
Глава 4. Дружба	18
Глава 5. Цена	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мария Ларская

Сильнее власти

Пролог

Ослепительная молния на мгновение озарила сеновал, выхватив из темноты деревянные балки под высокой крышей и золотистые россыпи сена.

И тут грянул гром. Так близко и оглушительно, что я невольно втянула голову в плечи.

Мужская рука, обнимавшая меня за талию, крепче прижала меня к себе.

Дождь барабанил по крыше с таким остервенением, словно собирался пробить её насквозь. Град подыгрывал ему, отстукивая собственную дробь, а ветер то и дело принимался за старые доски, испытывая их на прочность.

Ещё час назад я и представить не могла, что окажусь здесь.

Промокшая до нитки, с волосами, больше напоминающими мочалку, и в объятиях человека, которому, казалось, подчинялось всё на свете.

Кроме погоды, разумеется.

Да и с остальным, как выяснилось, тоже не всё было так просто.

Снизу донеслись голоса охранников. Один из них пытался поймать мобильную связь, другой обсуждал с хозяйкой, у кого в деревне есть телефон.

Насколько я поняла, ближайшие несколько часов нам предстояло провести здесь.

На сеновале.

Я едва удержалась от смеха.

Кто бы мог подумать!

Мужчина рядом со мной, привыкший к пятизвёздочным отелям, дорогим кабинетам и людям, беспрекословно исполняющим его распоряжения, теперь лежал на охапке деревенского сена, а его кашемировый джемпер выглядел так, будто им только что вытерли пол.

Впрочем, мой внешний вид наверняка был ничуть не лучше.

Я поёжилась. Он это сразу почувствовал.

— Замёрзла?

— Немножко.

Он притянул меня ближе, и я с удовольствием устроилась у него на плече. От мокрой одежды исходил холод, зато его объятия оставались удивительно тёплыми.

Новая вспышка молнии осветила сеновал, и вслед за ней над крышей оглушительно прогремело. Я испуганно подняла глаза.

— Не бойся, солнце моё. Я нас отсюда вытащу.

Я посмотрела на него и не выдержала — рассмеялась.

— Вообще-то мы сюда приехали, чтобы спасти тебя.

Он улыбнулся и крепче обнял меня.

— А ведь правда.

Я снова положила голову ему на плечо.

Правда.

Но была ещё одна. И о ней я пока никак не решалась ему рассказать.

Глава 1. Предательство

Февраль 1999 г. Брянск.

Мужа с любовницей я увидела среди красных сердец.

Ирония была настолько издевательской, что оставалось только поаплодировать.

Наше агентство оформляло ресторан ко Дню всех влюблённых. Последние два дня я рисовала эскизы, ругалась с электриком из-за гирлянд, передвигала декорации и следила, чтобы вся придуманная мной любовь нигде не отклеилась.

Настоящая, как выяснилось, отклеилась уже давно.

К пяти часам всё было готово.

Оставалось только сдать работу хозяйке ресторана.

С ней я до этого разговаривала только по телефону. Голос спокойный, уверенный. Денег — судя по бюджету — как у дурака фантиков. Сам ресторан ей, кажется, подарил богатый папа. Кто именно был её отец, я толком не знала, но наша начальница при его фамилии начинала говорить тише и улыбаться шире. В общем, люди серьёзные.

Ко мне подошла администратор.

— Ирина, хозяйка приехала. Хочет посмотреть зал.

— Уже иду.

Отложив ленту и вытерев руки о тряпку, я направилась за ней.

Хозяйку ресторана я увидела сразу. Высокая, светловолосая. Красивая.

Она стояла метрах в пятнадцати от меня с каким-то мужчиной. Мужчина стоял ко мне спиной, лица я не видела. Он держал хозяйку за талию.

Я уже шла к ним, когда мужчина наклонился к хозяйке и поцеловал её.

Нормально так. С чувством, страстно, прямо взасос. День всех влюблённых, всё по программе.

Хозяйка что-то сказала ему, мужчина засмеялся, обнял её крепче и притянул к себе поближе.

Не растерялся, в общем.

Потом он повернулся чуть в сторону.

Шаг сам собой замедлился.

Вадим! Мой муж.

Вот тебе и раз.

Но останавливаться было поздно. Хозяйка уже заметила меня, а я продолжала идти к ним, только теперь каждый шаг почему-то ощущался отдельно.

На Вадиме была дорогая тёмно-коричневая дублёнка. В свободной руке он держал чёрную кожаную барсетку — тоже новую. Раньше я не видела ни того, ни другого.

Хотя удивляться уже можно было перестать.

Последние месяцы у мужа с завидной регулярностью появлялись обновки.

Новая рубашка. Новые ботинки. Брюки. Даже дорогие часы.

А стоило мне спросить, откуда деньги, следовал один и тот же ответ:

— Ир, я с серьёзными людьми общаюсь. Мне надо соответствовать.

Очень убедительно.

Особенно когда дома я считала мелочь до зарплаты, зимние сапоги решила донашивать ещё один сезон, а перед магазинной полкой прикидывала, опять брать ножки Буша или всё-таки раскошелиться на сосиски.

Вадим между тем соответствовал.

И, судя по женщине рядом с ним, выяснилось, кому.

До них оставалось несколько метров.

Хозяйка уже смотрела прямо на меня.

Вадим тоже наконец меня увидел.

И вот его лицо стоило всего того цирка с сердечками, который я устраивала последние два дня.

Улыбка исчезла. Он побледнел, растерянно моргнул и на секунду так и застыл, всё ещё держа хозяйку ресторана за талию.

Я поняла, что он понял, что я всё поняла.

Полный атас.

Вот тебе и сдача проекта.

— Ирина? — хозяйка улыбнулась. — Наконец-то познакомились.

— Ир... — выдохнул Вадим.

— Не напрягайся. Я уже догадалась, что вы не смету обсуждаете.

Хозяйка тем временем спокойно меня рассматривала. Не смущённо — оценивающе.

Впрочем, посмотреть было на что.

Старые чёрные брюки. Старый серый свитер. Волосы собраны как попало. На одном сапоге снова отходила подошва. Я уже дважды пыталась приклеить её сама, потому что денег на ремонт обуви не было. Подошва упорно отказывалась входить в положение.

Раз уж началась такая экспертиза, я оценила её в ответ.

На ней была длинная норковая шуба, распахнутая настежь. Под шубой — безупречное платье, сидевшее так, будто его шили прямо на ней. Причёска — волосок к волоску. Идеальный макияж. Сапоги, наверное, стоили как моя зарплата за год.

Да уж. Контраст был явно не в мою пользу.

Она повернулась к Вадиму и с откровенным презрением кивнула в мою сторону:

— Так вот это твоя жена?

Потом снова посмотрела на меня.

— А я представляла её... не знаю. Поинтереснее.

Вадим поморщился.

— Кристин, не надо.

— Что «не надо»? — она пожала плечами. — Ты сам говорил, что она серая мышь.

— Кристин, хватит.

— Да ладно тебе, — она снова посмотрела на меня. — Если мужчина счастлив с женой, он к другой не пойдёт. Значит, ему дома чего-то не хватало.

Вот даже как.

Муж мне изменяет, а виновата, оказывается, я. Очень удобная система. Главное — правильно распределить ответственность.

— То есть это я сейчас должна перед вами извиниться?

— Я такого не говорила. Просто мужчину тоже надо уметь удержать.

Я посмотрела на Вадима.

Вот сейчас он наверняка скажет ей заткнуться. Объяснит, что пять лет брака вообще-то были не только моей обязанностью. Что ребёнка мы тоже делали вдвоём. Что если ему чего-то не хватало, рот у него всё это время прекрасно работал и разговаривать никто не запрещал.

Вадим молчал.

Ну конечно.

— Понятно, — сказала я. — Значит, не удержала. Бывает.

— Ира...

— Работу принимаете? — спросила я любовницу мужа.

Она лениво оглядела зал.

— Ну ладно. Пусть будет. Принимаю.

Вот спасибо, барыня. А то я уже переживать начала.

— Тогда акт у администратора, — сказала я и ушла, не дав им вставить ни слова.

До двери дошла нормально. Спину держала прямо.

А в коридоре дыхание вдруг сбилось, будто я не через зал прошла, а этажей пять пешком.

Постояла минуту, пока не отпустило, и вернулась в зал.

Собрала остатки гордости, ленту, крепления, коробки и два лишних красных сердца.

Погрузила всё и поехала в агентство.

Сердца хотелось выбросить по дороге. Но они были подотчётные. Даже личная трагедия не освобождала от материальной ответственности.

В агентстве я сгрузила всё в подсобку, сдала бумаги и на вопрос начальницы, как прошла приёмка, ответила:

— Приняли.

Ага, приняли даже больше, чем заказывали.

Домой я добралась уже затемно. Дочь была у мамы.

Вадим уже был дома, он собирал вещи.

На кровати стояла открытая сумка, рядом — его рубашки и новые брюки.

Первым желанием было схватить сумку и вышвырнуть её вместе с Вадимом.

— Быстро ты.

Он обернулся.

— Ира, я не хотел, чтобы ты узнала вот так.

— Конечно. Гораздо приятнее было бы узнать из открытки.

Внутри всё кипело.

— Давно? — спросила я.

Он помедлил.

— С осени.

С осени. Пока я считала деньги на еду, он покупал часы и гулял с Кристиной. Я вспомнила его вечные «встречи» и поздние возвращения. Картина складывалась бодро.

Вот же скотина.

— Ты её любишь?

— Мне с ней хорошо.

— Не то спросила.

— Ир, какая теперь разница?

— Мне — большая.

Ответа не последовало. Тоже ответ.

— Ну да. Она вся такая звезда, а я — серая мышь в старых сапогах.

— Кристина не должна была так говорить, — промямлил он.

Я даже рассмеялась.

— Вот что тебя беспокоит? Что любовница невежливо обозвала жену серой мышью?

— Я не это имел в виду.

— А мышью меня кто назвал? Зачем ты ей это говорил?

— Да я просто сказал.

Просто.

Оказывается, некоторые вещи становятся совсем маленькими, если произнести перед ними слово «просто».

Просто изменял.

Просто врал.

Просто обсуждал жену с любовницей.

Он взял с кровати рубашку, скомкал и сунул в сумку.

— Я устал, Ир.

— От чего это ты устал?

Он обвёл взглядом нашу съёмную однушку. Обои отошли возле окна. Старый диван проваливался посередине. На батарее сохли детские колготки. На кухне гудел древний холодильник, который мы боялись лишний раз открывать — вдруг окончательно передумает работать. Линолеум возле кухни протёрся до основы, а дверца старого шкафа закрывалась только после хорошего пинка.

— Я устал так жить! Считать каждую копейку. Экономить. Выкручиваться. Я хочу по-другому. — К концу фразы он уже почти кричал.

Надо же. А я-то думала, мы оба так живём. Оказывается, мучился один Вадим.

— А я, по-твоему, от этого удовольствие получаю?! — сорвалась я.

— Ты ничего не хочешь менять. Работаешь своим дизайнером за три копейки и думаешь только о том, как дотянуть до следующей зарплаты. А у Кристины планы, идеи, связи. Она мыслит широко. С ней хотя бы можно говорить о будущем.

О будущем.

А ведь когда-то мы с Вадимом только о нём и говорили.

Мы с ним выросли в одном дворе. Вместе шлялись допоздна, участвовали в дворовых разборках, бегали на дискотеки, целовались в подъезде, слушали музыку на кассетнике и мечтали о светлом будущем. Романтика!

Мы мечтали, как накопим денег, купим квартиру. Как он откроет своё дело. Как отвезём Арину к морю. Как однажды перестанем считать деньги возле кассы.

Вадим всегда умел мечтать красиво. Идей у него хватало на троих. Я слушала и смотрела на него с восхищением.

И, конечно, любила. Сильно любила.

— Люблю, куплю и полетим, — говорил он.

Купить так ничего и не получилось. Полететь — тоже. Зато обещания у Вадима всегда были первоклассные.

Вот только судьба в итоге развернула всё довольно своеобразно: похоже, эта Кристина предложила ему примерно то же самое. Только у неё к словам «люблю и полетим» прилагались папины деньги.

И Вадим неожиданно выяснил, что мечтать гораздо приятнее, когда за мечту уже кто-то заплатил.

— То есть наше будущее тебе просто надоело ждать?

— Ира, не начинай.

— Нет, ты мне объясни. Мы пять лет выбирались из одной ямы вдвоём. А потом ты встретил Кристину и решил, что можно больше не выбираться. За папины деньги вообще классно мыслить широко. Можно даже не мелочиться.

Вадим зло дёрнул молнию на сумке.

— Завидуй молча, Ир. Тебе бы самой иногда не мешало хотеть большего.

Ага. Хотела я много чего. Но пока мои желания исправно оставались желаниями. Очень экономный способ жить.

— А Арина?

— Что Арина?

— При том, что ты сейчас не просто от меня уходишь. У тебя дочь есть. Три года, если забыл. Завтра утром она спросит, где папа. Что мне ей сказать?

— Не надо приплетать сюда ребёнка. Я Арину не бросаю.

— Правда? А что ты сейчас делаешь?

— Буду приезжать. Видеться с ней. Помогать.

— Когда тебе будет удобно?

— Ира, хватит.

— Нет, не хватит. Ты с осени трахаешь другую женщину, а вчера вечером сидел здесь с нами, ужинал и рассказывал Арине сказку перед сном. Ты хоть раз за всё это время подумал, что будет с ней, когда однажды просто возьмёшь сумку и уйдёшь?

— Она маленькая, Ира. Привыкнет.

Вот теперь мне захотелось его ударить.

— Собирай вещи, Вадим.

— Я и собираю.

— Быстрее. Пока я действительно не помогла.

Он взял сумку и вышел. Дверь захлопнулась.

Вот и всё. Пять лет брака закончились щелчком дешёвого замка. Даже как-то несолидно.

Мне было двадцать пять, Арине — три. В общем, жизнь только начиналась. Правда, совершенно не так, как я планировала.

Шмыгнула носом и разозлилась уже на себя. Вот ещё. Он ушёл к другой, а сопли опять мои. Несправедливо.

Сердито вытерла слёзы. Ну нет. Только не реветь вслед этому козлу. Ещё не хватало.

Я села на стул и сняла сапоги. На одном подошва снова отошла — теперь уже почти целиком.

Ну конечно. Даже обувь сегодня решила поддержать семейную традицию — развалиться к вечеру.

Подцепила подошву пальцем и зачем-то попыталась прижать обратно.

Не держалась. Сегодня вообще мало что держалось.

Тогда мне казалось, что за один день Вадим предал всё, что между нами было.

Меня. Наши мечты. Нашу дочь.

Я ошибалась.

Глава 2. Долг

Неделя после ухода Вадима прошла на удивление буднично.

В общем, всё шло по классике: развод и девичья фамилия.

Я плакала. Конечно, плакала. В основном по ночам. Потом умывалась, утром шла на работу и продолжала жить.

Мой отец умер несколько лет назад. Мама осталась одна и, несмотря на собственные проблемы со здоровьем, постоянно помогала мне с Ариной.

Я старалась лишний раз её не нагружать. Получалось не очень: мама всё равно забирала Арину из садика, кормила нас и делала вид, что ей совсем не тяжело.

На мой развод с Вадимом мама отреагировала неожиданно радостно:

— Ну и слава Богу. Всё равно толку от него не было. Переболеешь. И ещё спасибо скажешь, что ушёл.

Свекровь тоже была довольна:

— Кристиночка из хорошей семьи, с возможностями. С ней Вадим хоть в люди выбьется. Мужчину тоже надо уметь поддерживать, Ира.

Ага. Значит, я пять лет неправильно поддерживала.

Аренда квартиры заканчивалась через неделю, и мы с мамой решили, что я с дочкой перееду к ней.

Возвращение к истокам, так сказать.

В тот вечер я открыла холодильник. Литр молока. Пачка маргарина «Рам». Всё. До следующих денег оставалось четыре дня.

Я закрыла холодильник. Потом открыла снова. Нет. За прошедшие пять секунд продукты не размножились.

Ну ничего. Выживать я умела. Даже очень хорошо.

В дверь позвонили как раз в тот момент, когда я решала, какой шикарный ужин можно приготовить из этого набора продуктов. На ум пришла только манная каша. Опять.

Я открыла дверь. На площадке стояли двое.

Братки. Тут я ошибиться не могла. Спортивные куртки, короткие стрижки, тяжёлые лица. В девятые таких я научилась узнавать раньше, чем милиционеров.

— Ирина?

— Да.

Один сунул мне под нос бумаги.

— Подпись твоя?

Я посмотрела. Да, моя. Красивая такая. Хоть сейчас в рамочку.

— Моя.

— Ну и всё тогда. Десять тысяч баксов — долг, два сверху — проценты. Итого двенадцать зеленым.

Второй тем временем молчал и разглядывал квартиру у меня за спиной. От его взгляда захотелось немедленно захлопнуть дверь и придвинуть к ней шкаф. Я машинально шагнула в сторону, закрывая ему обзор.

— Какие двенадцать? Вадим сказал, что всё вернул.

— Нам до фонаря, чё тебе Вадим наплёл. Бабки не вернулись.

— Но деньги брал он.

— А нам по барабану. С кого трясти нам плевать. Подпись твоя, значит, долг твой.

— У меня таких денег нет.

— Найдёшь. Послезавтра, в восемь. Старая овощебаза на окраине. Третий склад. Спросишь Серого.

— А если денег не будет?

Теперь заговорил второй:

— Твои проблемы. Бабок нет — значит, по-другому отработаешь. А кинуть нас вздумаешь — сами найдём. Адрес знаем.

Говорили они спокойно. Будто вопрос не в том, отдам я деньги или нет, а только в том, каким способом они их получают.

Они пошли вниз по лестнице.

Я заперла дверь на оба замка и проверила ручку.

Литр молока и пачка маргарина в холодильнике внезапно перестали казаться моей главной финансовой проблемой.

Откуда взялись эти двенадцать тысяч, я прекрасно понимала.

У Вадима всю жизнь была очередная гениальная «тема». Сегодня куртки, завтра сигареты, потом запчасти. Каждая — железобетонная. Каждая должна была вот-вот сделать нас богатыми. Вадим умел так рассказывать про будущие миллионы, что временами я сама начинала искать место, куда мы их будем складывать.

Но цена его предпринимательского гения ограничивалась нашими пустыми карманами.

И когда дело прогорало, обязательно находилась причина: партнёр подвёл, поставщик кинул, таможня задержала, рынок не тот. И уже через неделю у него появлялась новая идея. Ещё надёжнее предыдущей.

В августе девяносто восьмого очередной темой стала техника. Вадим собирался оптом привезти из Польши телевизоры, видеомагнитофоны и музыкальные центры, а здесь перепродать втридорога.

Он расписывал всё так уверенно, будто товар уже стоял у нас в комнате, а покупатели дрались в очереди.

Именно под эту очередную безотказную схему Вадим уговорил меня подписать заём на десять тысяч долларов.

Я прекрасно помнила, как появилась моя подпись на той бумаге.

Вадим положил передо мной договор и ручку.

— Ир, распишись здесь.

— Почему я?

— Так проще. У меня сейчас документы по другой сделке проходят. Это формальность.

Я посмотрела на сумму.

— Вадим, десять тысяч долларов — какая ещё формальность?

— Через два месяца закрою. Даже раньше. Товар продам — первым делом отдам.

— А если не продашь?

— Продам. Ир, ну ты чего? Мы же семья.

Мы же семья.

Я взяла ручку.

— Точно никаких проблем не будет?

— Тебя вообще это не коснётся.

Тогда этой фразы мне хватило.

И я подписала договор на десять тысяч долларов.

По тогдашнему курсу — около шести рублей тридцати копеек за доллар — сумма составляла примерно шестьдесят три тысячи рублей.

Через пару недель после того, как я подписала бумагу, случился дефолт.

Тогда курс доллара волновал меня меньше всего. У меня не то, что долларов — рублей толком не было. Казалось, уж меня-то вся эта история точно не касается.

Как выяснилось, ещё как касается.

К февралю девяносто девятого доллар стоил уже около двадцати трёх рублей. Те же десять тысяч превратились почти в двести тридцать тысяч рублей.

А с набевшими процентами двенадцать тысяч превращались примерно в двести семьдесят пять тысяч рублей.

Моя зарплата была около тысячи ста рублей.

Двести пятьдесят зарплат.

Чуть больше двадцати лет работы.

Если, конечно, всё это время не есть, не пить и желательно не дышать.

Странная штука долг. Чтобы его получить, мне хватило одной подписи. Чтобы избавиться — требовалось двадцать лет жизни.

Причём самих денег я никогда не видела. Не тратила. Ничего на них не покупала. Деньги брал Вадим. Бизнес придумал Вадим. Вернуть обещал тоже Вадим.

Конечно, отдавать его должен был Вадим. Кто же ещё?

А если не отдаст?

И я прекрасно понимала: передо мной не банк. Здесь не пришлют три предупреждения, а потом не подадут в суд. Я слишком хорошо знала, как в девяностые выбивали долги. Людей били. Увозили. Иногда они вообще исчезали.

А следом за страхом пришла злость.

Вот же сволочь. Мало того что ушёл, так ещё непонятные долги за его великие идеи всплыли.

Но нет.

Деньги брал Вадим. Бизнес был его. Вернуть обещал он. Какая бы подпись ни стояла на бумаге, разбираться со своими кредиторами он будет сам.

Завтра я его найду, и он сам будет разбираться со своими кредиторами.

Тогда мне ещё казалось очевидным: человек должен отвечать за то, что делает.

Глава 3. Ответственность

На Вадима я выйти не могла. Сотового у меня, разумеется, не было, а где теперь обитал мой бывший почти-муж, я понятия не имела. У свекрови его тоже не оказалось.

Оставалась Кристина.

Очень хотелось обойтись без неё. Ещё больше хотелось не встречаться с Серым и выяснять, что именно братки подразумевают под словом «отработаешь». Приоритеты расставились быстро.

Пришлось ехать в ресторан.

Кристина вышла ко мне минут через десять. Вид у неё был победный. Похоже, в своей голове она уже выиграла Вадима, меня, семейную жизнь и, возможно, весь чемпионат области среди любовниц.

Она оглядела меня с головы до ног и растянула губы в довольной улыбке.

— Что, пришла просить, чтобы я тебе его вернула? — протянула она с явным удовольствием. — Даже не надейся. Не верну.

Вот ведь кикимора болотная.

Самое смешное — она действительно считала Вадима призом. Но она даже не представляла, что на её фронте я воевать не собираюсь. У меня теперь была проблема посерьёзнее.

— Оставь себе это сокровище. Только потом без обмена и возврата.

Улыбка у неё стала заметно скромнее.

— А я думаю, до тебя наконец дошло, кого ты потеряла. Вот и злишься.

— Дошло, Кристин. Причём гораздо больше, чем хотелось. Поэтому на Вадима не претендую. Мне с ним поговорить надо.

— О чём?

— О наших делах.

— Каких ещё дел? Вы уже не семья.

Надо же. Неделя прошла, а меня уже официально выписали из собственной пятилетней жизни. Быстро работают.

— Поверь, я тоже была бы счастлива, если бы вместе с мужем автоматически исчезало всё, что он успел натворить за пять лет. Но не повезло.

Теперь она смотрела на меня уже внимательнее.

— Что случилось?

— Тебя не касается. Мне с ним поговорить надо. У нас слишком много незакрытых дел.

— Он занят.

— Я тоже. Поэтому передай: разговор срочный.

Кристина помолчала, потом всё-таки согласилась:

— Ладно. Передам.

Вот и славно.

Ну спасибо тебе, Звезда Ивановна. Серая мышь премного благодарна.

Вадим пришёл вечером. Он снял дублёнку, повесил её в прихожей и вошёл ко мне уже с настороженным выражением лица.

— Ну? Что срочного?

— Ко мне вчера двое приходили.

Я коротко рассказала про братков и двенадцать тысяч долларов.

Чем дальше говорила, тем внимательнее следила за Вадимом. Ни удивления, ни вопроса, откуда они взялись. Только раздражение человека, которому сообщили о проблеме, про которую он давно знал и очень надеялся больше не вспоминать.

— Ир, там всё не так просто. Так сразу и не объяснишь.

— Конечно. Двенадцать тысяч долларов вообще очень сложная сумма. Особенно когда требуют её с меня.

Вадим сел напротив и начал объяснять. Августовская железобетонная тема всё-таки оказалась не железной, и совсем не бетонной. Деньги Вадим передал посреднику, который должен был закупить в Польше технику. Тот сначала тянул время, потом перестал отвечать, а после вообще исчез. Вместе с деньгами.

— Я думал, найду его. Или отобью на другой сделке, — закончил Вадим.

— И поэтому сказал мне, что долг давно закрыл?

— А что я должен был тебе сказать? Ты бы только панику подняла.

— Конечно. Десять тысяч долларов — сущий пустяк. Чего нервничать?

Он откинулся на спинку стула, уже явно жалея, что вообще пришёл.

— Ир, я пытался всё разрулить.

— Полгода?

Он раздражённо отвернулся.

— Все десять тысяч ему отдал?

— Не все.

Оказалось, деньги требовались на текущие расходы. Встречи. Рестораны. Одежду. Нужным людям нельзя было показывать, что у тебя в кармане последние сто рублей.

— А Кристине ты подарки делал? С этих денег?

— Не начинай.

— Я просто уточняю, куда делись мои десять тысяч долларов.

— Твои? — он вспыхнул. — Вообще-то деньги брались на нашу семью.

Вот здесь Вадим наконец оживился. Обвинить посредника было легко. Объяснять, почему за его бизнес теперь должна платить я, ему нравилось заметно меньше.

— А любовнице ты подарки делал тоже ради семьи? Поэтому часть семьи теперь живёт с Кристиной, а вторая часть должна двенадцать тысяч долларов братве. Всё логично.

— Ира, не перекручивай. Я правда пытался. Если бы всё получилось, ты бы сейчас по-другому разговаривала.

Аргументы просто класс!

— Но не получилось. А бумага почему-то на мне.

— Ты сама её подписала.

Вот тут меня словно пощёчиной приложило.

— Что?

— Ир, я тебя не заставлял.

Вот теперь меня понесло. Я даже встала из-за стола.

— Ах вот как?! Ты притащил мне очередную свою супертему, клялся, что через два месяца всё вернёшь, а теперь выясняется, что я сама виновата, потому что тебе поверила?!

— Я не говорю, что ты виновата. Мы оба понимали, что это бизнес. Там всегда есть риск.

— Ты понимал. Это был твой бизнес. Твой риск. Я понимала только одно: мой муж просит меня помочь и обещает за всё отвечать.

— Ира, что ты сейчас от меня хочешь?

— Для начала услышать: «Да, я всё испортил и сам буду это исправлять».

— И что от этой фразы изменится?

Я смотрела на него и постепенно начинала понимать, в чём проблема.

Для Вадима ответственность имела смысл только до тех пор, пока была удобна. Пока можно было обещать, строить планы, распоряжаться деньгами и рассказывать, каким богатым он скоро станет. Когда наступало время отвечать за результат, ответственность почему-то превращалась в нашу общую.

Но я всё ещё цеплялась за надежду, что хотя бы теперь он предложит какой-то выход.

— И что ты собираешься делать? — с надеждой в голосе спросила я его.

— Я не знаю.

Ну отлично. Не знает он.

— Так ты собираешься их возвращать?

— Сейчас не могу.

— Почему?

— У нас с Кристиной новый проект. Там всё только запускается. Деньги уже вложены.

Если сейчас их вытащить, всё встанет...

Я даже дослушивать не стала.

— То есть деньги у тебя есть?

— Я же сказал: они вложены. Это не свободные деньги.

— Понятно. На новую жизнь деньги есть. На старые долги — нет.

— Не начинай опять про Кристину.

— Да мне плевать уже на Кристину! Ко мне домой пришли два мужика и сказали, что если денег не будет, я буду отрабатывать по-другому. Ты вообще понимаешь, о чём речь?

Вадим на секунду задумался, но даже это его не заставило изменить решение.

— Они тебя просто пугают.

— Отлично. Тогда поезжай завтра на овощебазу вместо меня и объясни им, что они просто пугают.

— Ир, не глупи. На меня долг не оформлен. Я туда приеду — только хуже сделаю.

Вот ведь удобно.

— Значит, мне ехать можно?

— Попробуй договориться. Объясни ситуацию. Может, разрешат отдавать частями.

Я опустила обратно на стул. Всё ещё хотелось верить, что я неправильно его понимаю.

— Ты сейчас серьёзно предлагаешь мне самой договариваться с братвой из-за твоего долга?

— А что ещё делать?

— Например, отвечать за то, что ты натворил.

И тут я вспомнила ещё об одном человеке, ответственность за которого Вадим тоже почему-то оставил где-то между старой и новой жизнью.

— А Арина?

— Что Арина?

От самого вопроса захотелось рассмеяться. Только смешного там уже ничего не было.

— Очень хороший вопрос. Ты уже неделю не живёшь дома. Ты хоть раз спросил, нужны ли ей деньги?

— Я же сказал, что буду помогать.

— Когда?

— Как только с проектом раскрутимся.

— А до этого она что должна делать? Тоже попробовать договориться?

— Я сейчас не могу тебе дать много.

— Я не спрашиваю «много». Я спрашиваю: что ты собираешься делать для собственного ребёнка?

Он начал раздражаться. Разговор всё никак не хотел заканчиваться удобным для него способом.

— Ир, ну не надо сейчас делать из меня отца, который бросил ребёнка. Я её люблю. Буду приезжать. Деньги появятся — буду давать.

Деньги появятся.

Удивительная система. Дочь подождёт. Долг подождёт. Я разберусь. Зато новый проект с Кристиной почему-то ждать не мог.

С Кристиной у него было будущее. Новые проекты. Новые деньги. Новая жизнь. Мне доставалось прошлое. Дочь. Долг. И все последствия решений, которые принимал он.

Вадим посмотрел на часы. Потом ещё раз, уже демонстративно.

— Мне правда пора. Меня ждут. Потом договорим.

— Вадим, никакого «потом» нет. Мне завтра ехать к этим людям.

— Ир, ну я сейчас всё равно ничего не решу. Правда, Ир. Не сейчас.

Он пошёл в прихожую. Обулся быстро, почти торопливо, снял с вешалки дублёнку.

И только теперь я окончательно поняла: он не собирался ничего решать. Ни сегодня. Ни завтра. Возможно, вообще никогда.

Да он сбегает! Трус.

На пороге Вадим обернулся.

— Ир, ну ты же всегда выкручивалась. Ты сильная. Ты справишься.

Вот она, оказывается, какая замечательная штука — сильная жена. Можно бросить её с ребёнком, оставить ей свой долг и успокоиться: ничего, не сдохнет.

А потом ещё и похвалить за силу характера.

В следующую секунду дверь захлопнулась.

Я стояла с открытым ртом и пыталась осознать происходящее.

Очень удобно. Особенно тому, кто ни за что отвечать не собирается.

Вадим отказался отвечать за долг. За семью. За собственную дочь. И ничего не произошло. Земля не разверзлась, милиция его не арестовала, небеса не потребовали немедленно вернуться и всё исправить. Он просто надел дублёнку и ушёл в свою новую жизнь. А его старая жизнь осталась со мной.

Итак, мужа у меня больше не было. Зато остались ребёнок, больная мама и двенадцать тысяч долларов долга.

Неплохой обмен. Особенно с учётом курса.

Но ничего страшного!

Вадим сказал, что я справлюсь.

Оставалось выяснить одну мелочь: как именно.

Глава 4. Дружба

Я проплакала всю ночь. Сильнее, чем после ухода Вадима.

Тогда было больно. Теперь — страшно. До настоящего отчаяния, когда сколько ни крути ситуацию в голове, выхода всё равно не находишь.

Маме я решила ничего не говорить. Ей сейчас требовались лекарства и спокойствие. Мои долги в рецепт точно не входили.

Что делать?

Если продать всё, что у меня было, братве хватило бы разве что на скромный ужин.

Двенадцать тысяч сразу я не найду. Значит, нужны были две вещи: время и работа, на которой можно зарабатывать не тысячу сто рублей в месяц.

С работой хотя бы появилась зацепка.

Лиза.

Мы дружили ещё с художки. Вместе рисовали гипсовые головы, прогуливали последние занятия, ездили на этюды и несколько лет совершенно серьёзно собирались стать великими художницами. Потом жизнь наши великие планы слегка подкорректировала. Я вышла замуж, родила Арину и осталась в Брянске. Лиза уехала в Москву и устроилась дизайнером.

Созванивались мы теперь редко. У обеих была своя жизнь, свои заботы. Но дружба никуда не делась. Просто стала междугородней.

Ещё в прошлом году Лиза звала меня к себе. Рассказывала, что дизайнеры в Москве нужны постоянно, работы много и деньги совсем другие.

Тогда я даже всерьёз не рассматривала её предложение. Куда ехать? Здесь Вадим, Арина, мама, работа. Здесь вся моя жизнь.

За последнюю неделю один пункт из списка самоустранился, а вместо него появилось двенадцать тысяч причин наконец прислушаться к Лизе.

Я набрала её номер, ни секунды не сомневаясь, что она поможет.

— Лиз, у меня проблемы. Большие, — выдала я вместо приветствия.

— Что случилось? — сразу спросила она.

— Вадим ушёл. К другой.

— Вот козёл, — вынесла Лиза короткий и, на мой взгляд, совершенно справедливый приговор.

— Это, Лиз, сейчас самая приятная часть истории.

— Ир, ты меня пугаешь.

— Он оставил на мне долг. Большой.

Лиза не перебила. А для неё это уже само по себе было серьёзным признаком.

— И что ты собираешься делать?

— Вот поэтому звоню. Помнишь, ты говорила про работу в Москве? Предложение ещё действует?

— Конечно действует. Приезжай, — ответила она сразу.

— Лиз, у меня ребёнок, денег почти нет и проблемы размером с небольшую африканскую страну. Я сейчас не в том положении, чтобы приехать и красиво начать новую жизнь.

— Первое время у меня поживёшь. Работу найдём.

— У тебя однушка.

— И что? Мы с тобой в художке в подсобке на двух табуретках спали. Как-нибудь разместимся.

— Я тебе даже не знаю, когда смогу за жильё платить.

— Господи, Вольская. Ты мне сейчас резюме квартиранта зачитываешь или помощи просишь?

— Помощи.

— Ну наконец-то. Тогда приезжай.

И всё. Без условий. Без процентов. Просто приезжай.

С будущим стало чуть понятнее.

Оставалось решить, как пережить завтра.

Единственный выход — договариваться. Просить, чтобы разрешили возвращать долг частями.

Только как с ними договариваться?

Ответ нашёлся неожиданно.

Витька Трошин. Мой друг детства и одноклассник. Лет с тринадцати весь район знал его как Танка.

Эта кличка прилипла после одной драки у гаражей. Витьку тогда хорошенько приложили металлической трубой по спине. А он вместо того, чтобы упасть, пошёл дальше на троих. Через несколько минут все трое уже лежали, а Витька всё ещё стоял.

И в разговорах он был таким же. Не орал, не суетился, не угрожал впустую. Просто давил спокойно и до тех пор, пока человек либо соглашался, либо начинал сильно жалеть, что не согласился сразу.

Ещё в школе он загремел по малолетке за грабёж. Но воспитательная колония Витьку почему-то не перевоспитала, и после освобождения он окончательно ушёл в криминал.

Чем именно он занимался сейчас, я не знала.

Зато знала другое: за своих Танк порвёт любого. А мы с ним всегда были в хороших отношениях.

Витьку я нашла в тот же день.

Встретились вечером. Я рассказала всё: про предательство Вадима и долги.

Танк дослушал до конца.

— Вот сучонок, — сказал он про Вадима. — Совсем берега попутал.

— Вить, мне надо с ними договориться. Чтобы разрешили платить частями. Сходи со мной, пожалуйста.

Он даже не задумался.

— Конечно, схожу. Сначала только выясню, кто они.

На следующий день Витька сам заехал за мной, и мы поехали на встречу.

По дороге он рассказал, что успел выяснить.

— Парни из Исаковских. В принципе, договориться можно. Я поговорю.

— А Вадим?

Танк выругался матом.

— Сучонка твоего они не тронут. У него теперь связи появились, есть кому за него вписаться. Так что долг, похоже, тебе отдавать придётся.

Ну да. Себя он обезопасил. Про жену с ребёнком как-то забыл.

— Где деньги брать будешь?

— В Москве.

— Конкретнее?

— Я художку закончила, потом наш педагогический — изо и черчение. Лизу помнишь? Мы с ней ещё в художке вместе учились. Она в Москву уехала.

— Ну и отлично, — ответил Витька.

На старой овощебазе нас ждали трое.

Все трое в кожанках. Коротко стриженные, крепкие. У одного на пальце блестела тяжёлая печатка, другой лениво перебирал чёрные чётки. Третьего я уже видела у своей двери.

Тот, что с чётками, оказался Серым.

— Ну что, Ирина, — протянул он. — Как долг отдавать будем?

Подбородок я задрала повыше. Очень хотелось, чтобы со стороны это выглядело как смелость.

Молчала.

— Мужики, договоримся, — начал Витька. — Денег сразу нет. Будет отдавать частями.

Один из них подошёл ко мне.

— А может, деньгами и не надо?

Его ладонь вдруг легла мне на грудь и крепко сжала через куртку.

Я дёрнулась назад и ударила его по руке.

— Грабли свои убери.

Все трое заржали.

— Да ладно тебе. Чего целку строишь? Баба симпотная. Поработаешь годик на точке — ещё кайфанёшь. Уходить не захочешь.

— Руку от неё убрал, — спокойно сказал Танк, даже голос не повысил.

Смех закончился не сразу, но закончился.

— Ира со мной с детства. Наши отцы вместе работали. Ещё раз кто-нибудь её пальцем тронет — дальше уже со мной разговаривать будете.

Мужик отступил. По-видимому, проверять Танка на прочность никто особенно не рвался.

— Ты за неё вписываешься? — спросил Серый.

— Вписываюсь.

— Тогда если пропадёт — спрос с тебя.

— Не вопрос.

Вчера мой собственный муж объяснял мне, почему он ни за что не отвечает. А сегодня человек, который вообще ничего мне не был должен, добровольно принимал на себя чужой вопрос.

А дальше Витька начал разруливать.

— В натуре, мужики. Давайте по понятиям. Косяк не её — мужика её. Она не крыса, не кидала вас, не прячется. Бабу с ребёнком за чужой косяк щемить — запаadlo. Хотите бабки делать — коммерсов щемите, их вокруг как грязи. А она вам долг закроет. Частями. Но отдаст.

Я слушала и тихо офигевала. Витька, похоже, родился дипломатом. Просто не в той семье.

К моему удивлению, братва постепенно перестала ухмыляться. Серый перестал перебирать чётки и слушал внимательно.

Танк продолжал:

— Она такая же, как мы, с района. Не мажорка, не упакованная какая. Сама пашет, мелкую тянет, мать больную на себе волочёт. Чё вы как волки позорные с неё последнее выжимаете? Таких не прессуют. Таким подняться дают. Тем более она пришла сама. Не бегают, не морозится. Значит, будет платить. Без кидалова.

— Сколько? — наконец спросил Серый.

Вот тут разговор уже пошёл не про понятия, а про деньги.

Суммы, сроки, число каждого месяца.

И я выдохнула: Танк их всё-таки продал.

Серый ещё немного покрутил чётки.

— Ладно. Будешь платить каждый месяц. Без задержек. И прятаться не вздумай. Найдём.

— Хорошо.

Он посмотрел на меня тяжело.

— День просрочки — и поедешь в бордель к братве общей подружкой долг отрабатывать. Танк второй раз тебя не вытащит. Поняла?

— Поняла.

Витька полез во внутренний карман куртки и достал несколько купюр.

Пятьсот долларов. Я таких денег разом в жизни не видела.

Он протянул их Серому.

— Первый платёж. И следующие три месяца девку не дёргаете. Пусть хоть немного поднимется.

Серый пересчитал деньги.

— Добро. Три месяца.

Потом ткнул чётками в мою сторону:

— Смотри, Ира, чтоб без движухи лишней.

До машины я дошла нормально.

А стоило закрыть дверь — всё моё геройство осталось где-то на овощебазе. Слезы полезли сами.

— Вить... спасибо тебе. Если б не ты, я б с этой базы точно не домой поехала.

— Да хорош.

— Пятьсот долларов! Я тебе их вообще когда отдам?

— Не надо мне ничего отдавать. Считаю, благотворительность.

Я устояла на него сквозь слёзы.

— Вить, пятьсот баксов — многовато для благотворительности.

— Своим помогать надо, Ириш. Тем более ты же понимаешь, что заработаны они не совсем честным путём.

— Понимаю.

Каким именно нечестным путём были заработаны эти пятьсот долларов, уточнять я не стала.

Он довёз меня до дома

— Вить... Спасибо тебе. Правда.

— Да хорош, Ириш. По одному нас всех продать можно. А когда за тебя есть кому вписаться — расклад уже другой.

Я его крепко обняла. И раз уж сегодня Витька спас мою жизнь, оставалось добить его ещё одной просьбой.

— Я сейчас немножко обнаглею. Но всё-таки спрошу. Займёшь рублей триста на дорогу до Москвы?

Глава 5. Цена

Москва. Март 2001 года

К девяти утра у меня на столе лежали три варианта сделки по покупке контрольного пакета акций промышленного предприятия ОАО «Энергокабель» в Свердловской области за восемьдесят миллионов.

Ни один меня не устраивал.

— Владимир Алексеевич, — сказал финансовый директор Красков. — Второй, на мой взгляд, оптимальный. Если сохранить действующее руководство предприятия, мы снизим операционные риски и...

— Нет.

Он замолчал.

Заключение аудиторов подтверждало ровно то, что я увидел ещё при первом просмотре. Цифры сами по себе проблемой не являлись. Проблемой обычно были люди, которые либо не умели их читать, либо рассчитывали, что я не стану читать внимательно.

— Здесь обязательства перед поставщиками на четыре миллиона восемьсот тринадцать тысяч. Почему они не учтены в стоимости?

— Они оспариваются.

— В каком суде?

Начальник юридического управления открыл папку.

— Иск пока не подан. Есть протокол разногласий и претензионная переписка.

— Тогда обязательства не оспариваются. Их просто не хотят платить.

— Но формально...

— Формально долг существует.

Дальнейшие расчёты были очевидны.

— Стоимость снижаем на всю сумму обязательств плюс десять процентов на риск. Действующего генерального директора увольняем сразу после перехода права собственности.

— Но, Владимир Алексеевич, при такой цене собственники могут отказаться.

— Значит, откажутся.

— Мы два месяца готовили сделку.

— И что? Потраченные два месяца не делают плохую сделку хорошей.

Начальник юридического управления предложил:

— Возможно, имеет смысл оставить генерального хотя бы на переходный период. У него связи с администрацией области, поставщиками и...

— Человек, который пытался скрыть от покупателя почти пять миллионов обязательств, не будет управлять моим активом ни одного дня.

— Но...

— Решение принято.

В комнате стало тихо. А меня устраивала тишина после правильно принятого решения.

— Новые условия собственникам отправить сегодня до двенадцати. Юридическому управлению — проверить все договоры за последние три года. Отдельно залогов, поручительства и взаимозависимых контрагентов. Если ещё что-то найдёте после подписания сделки, отвечать будете лично. Свободны.

Совещание закончилось. Красков, однако, остался.

— Владимир Алексеевич, я всё-таки считаю, что мы слишком жёстко...

— Ваше мнение я уже услышал.

— Я просто хотел объяснить...

— Не надо.

Объяснения появились слишком поздно.

— Вы должны были обнаружить эти обязательства до того, как документы попали ко мне. Не обнаружили. Теперь объяснения мне не нужны.

— Мы сделали всё, что могли.

Вот этого я особенно не любил.

— Нет. Вы сделали всё, что сочли достаточным. Оказалось недостаточно.

Мой отец фразы типа «мы сделали всё, что могли» и «старался» считал разновидностью оправдания. Их придумали люди, которым нечего предъявить вместо результата.

В детстве на мои объяснения он всегда отвечал одинаково:

— Сделал?

Если ответ был «нет», всё остальное значения уже не имело.

Ни усталость, ни причины, ни попытки.

Результат либо есть, либо его нет.

И в данном вопросе с отцом я был полностью согласен.

В этом была логика. Простая и вполне рабочая.

Когда Союз начал разваливаться, отец быстро понял одну простую вещь: власть меняла форму. Раньше она находилась в кабинетах, должностях и партийных билетах. Теперь — в собственности.

Он был партийным функционером. Связей и информации хватало, поэтому, после развала Союз отец стал скупать акции предприятий. Меня довольно быстро втянул в дела. Сначала переговоры и документы, потом поездки, директора, сделки. К началу девяностых я фактически стал его правой рукой.

У отца есть дочь от первого брака, моя старшая сестра. Бизнесом она никогда не занималась. С моей матерью он к тому времени тоже уже развёлся, поэтому наследство распределил заранее: сестре — деньги и недвижимость, предприятия и доли — мне.

В его логике всё было просто: делом должен заниматься тот, кто умеет его делать.

В девяносто третьем отца убили.

Передел собственности. Для тех лет почти обычная история.

Отец собирал активы несколько лет.

Заплатил за них жизнью.

Его смерть стала для меня не только личной трагедией. Она в одночасье изменила положение дел в бизнесе. Те, кто ещё вчера исправно выполнял обязательства, вдруг начали пересматривать договорённости. Некоторые партнёры решили, что теперь можно разговаривать со мной совершенно иначе. А кое-кто и вовсе посчитал, что настало подходящее время забрать то, что отец собирал годами.

Мне достались не только деньги. Вместе с ними — предприятия, обязательства, спорные пакеты, старые партнёры и желающие проверить, сумеет ли молодой сын удержать то, что удерживал отец.

Первые годы вопрос стоял не в том, сколько я заработаю. Вопрос был проще: сохраню ли то, что осталось.

Сохранил.

Потом начал приумножать.

Угрозы тогда тоже были обычным делом. Звонили домой, передавали через знакомых, однажды обстреляли машину. Охрана после этого стала такой же частью жизни, как водитель и ежедневник.

В кабинет вошла Вера Андреевна.

— На сегодня изменения. В час банк, в три металлурги, в пять юристы. В восемь звонок с немцами.

— Хорошо.

— Обед куда поставить?

— Некуда.

— Вчера тоже было некуда.

— Значит, сегодня ничего не изменилось.

Она положила передо мной ещё одну папку.

— Аудиторское заключение по Нижнему. Там всё проверили.

— Оставьте.

— Всё равно будете читать сами?

— Буду.

— Я так и думала.

Вера Андреевна вышла.

Последние лет десять я жил примерно одинаково: работа, машина, встречи, снова работа. Сон помещался туда, куда удавалось его вставить. Организм периодически пытался возражать. Я обычно не принимал возражения к рассмотрению.

К тридцати восьми годам у меня были предприятия, недвижимость, связи и почти не было дней, которые принадлежали бы только мне.

Работа давно перестала занимать часть жизни. Она просто заняла её целиком.

Власть редко достаётся бесплатно.

Отец заплатил за свою жизнь.

Мне пока обходилось дешевле. Временем. Сном. Нервами. Необходимостью всё проверять самому и никогда до конца не расслабляться.

Я считал цену приемлемой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.